

И. М. КУДРЯВЦЕВ

**„Послание на Угру“ Вассиана Рыло как памятник
публицистики XV в.**

Нашествие татар во главе с ханом Ахматом в 1480 г. и известное „стояние“ на р. Угре — „Угорщина“¹ получили в древне-русской письменности довольно яркое отражение. К литературным памятникам, касающимся этих исторических событий, относятся включенные в летописные своды степенные книги и различные сборники повести о нашествии Ахмата и, прежде всего, Послание архиепископа ростовского Вассиана Рыло к великому князю московскому Ивану III. Это послание не обследовано в должной мере ни дореволюционным, ни советским литературоведением, а между тем оно является едва ли не лучшим произведением русской публицистики XV в., замечательным как со стороны патриотического содержания, так и со стороны соответствующей его содержанию патетической формы. Оно вводит нас в круг настроений и идей того времени, позволяет сделать некоторые наблюдения в отношении общественных группировок и, вообще, процесса образования Русского централизованного государства во главе с Москвой, оно, наконец, помогает нам при анализе повестей о нашествии Ахмата и в плане историческом и в плане литературной истории их.

1480 г., отмеченный в истории, как год окончательного освобождения Руси от татарского ига, является тем временем, когда плодотворная деятельность великого князя московского Ивана III в деле создания независимого Русского государства получила свое наиболее яркое выражение. В конкретных событиях этого года выявился и характер Ивана III. В неменьшей мере то же можно сказать и о Вассиане Рыло. И его деятельность и направление ее выразились в этот год наиболее ярко. Вассиан Рыло оставил след в русской письменности, касавшейся этого года, как один из наиболее значительных писателей того

¹ Под таким заголовком излагаются эти события в одном из летописных сводов. См. рукопись 1-й пол. XVI в., хранящуюся в Рукописном отделе Всесоюзной Публичной библиотеки им. В. И. Ленина под шифром М. 5837, л. 113.

времени. События 1480 г., подготовленные всем ходом истории, являлись завершением того, что было начато на Куликовом поле, когда русский народ нанес решительное поражение татарам и сами татары почувствовали, наконец, что русские — это нечто целое, единое, сильное. Со времени Куликовской битвы соотношение сил между Русью и Золотой ордой изменялось все больше и больше в пользу первой. Этому способствовали процесс централизации Русского государства, с одной стороны, и ослабление Орды, с другой, изменяя соотношение сил.

Жизнь Орды протекла в бурных династических волнениях, которые то возвышали ее, то ослабляли; но кривая исторической жизни Орды явно понижалась. Малая сравнительно оседлость главенствующей группы этого разнородного царства не могла обеспечить создание экономического фундамента для прочного государства, а время военного феодализма проходило. Выделение в XV в. Казанского царства и Крымской орды, ставших потом противниками Золотой орды, значительно обессиливало ее, сами же эти ханства не являлись уже такой грозной силой, какой была Золотая орда.¹ Традиционная политика последней — „натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравнивать их силы и никому из них не давать усиливаться“² — не всегда уже помогала.³ Однако Иван III, наученный горьким опытом своего отца, бывшего в плену у татар, крепко усвоил для себя необходимость осторожного и опасливого отношения к татарам. Постепенно он добился того, что стал влиять на дела Казани и заключил союз с крымским ханом против золотоордынского хана Ахмата, с одной стороны, и литовского короля Казимира, с другой. События 1472 г., когда Ахмат подошел к Оке, сжег Алексин и пытался перебраться через Оку, побудили Ивана III искать союзника в лице крымского хана и вообще расширить свою политику до таких размеров, когда бы он не только не был орудием чьих-то политических, часто авантюрных замыслов, но, наоборот, сам мог бы привлекать других в качестве орудия своей политики. Для нас важно отметить, как подготовил

¹ О жизни Золотой орды в конце XIV и XV вв. см. летописи Никоновскую, Воскресенскую, Софийскую 2-ю, Новгородскую 4-ю, Рогожскую, а также работы А. Н. Насонова „Монголы и Русь“ (М.—Л., 1940); Б. Грекова и А. Якубовского „Золотая орда и ее падение“ (М.—Л., 1950) и другие. Библиографию см. в книге Б. Грекова и Якубовского.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века. (Цит. по: „История СССР, т. I, 1947, стр. 194).

³ Эту политику хорошо теперь понимали. Летописец, например, отмечает взаимоотношения русских князей и татар так: „Аще убо когда немнози обрящутся Измаильтяне, тогда лестно и злоковарно и мир и любовь сотворяют, и дары и честь дают, и тем злохитростью своею крыют и яд свой тайно имеют, и мир глубок обещевают, и таковым пронырством русских князей друг з другом враждуют и от любви их отлучают, и особую рать меж их составляют, и в той разности сами в тайне подкрадают их зли волцы христианом обретатися научением отца их сатаны“ (ПСРЛ, т. II, стр. 206; Рогожск. летописец, стр. 179).

он почти бескровную победу 1480 г., заключив союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. В 1472 или 1473 г. Иван III послал в Кафу „челобитную грамоту“ и поручил еврею Хозе Кокосу, жившему в Кафе и пользовавшемуся большим доверием Менгли-Гирея и какого-то князя Ягуна, передать грамоту хану и убедить последнего вступить с Москвой в оборонительный и наступательный союз. Материал, связанный с посольствами 1474—1480 гг. к Менгли-Гирею и Зенебеку,¹ показывает также, как Иван III, стремившийся первоначально иметь в лице крымского хана союзника вообще, потом добивается союза в борьбе против определенных врагов Московского государства — хана Ахмата и короля литовского. Если в данной в 1474 г. послу Никите Васильевичу Беклемишеву инструкции, где мы находим три образца „ярлыка докончалного“, осторожный князь московский только в крайнем случае допускал, чтобы в договоре к общей фразе: „быти нам везде заодин, другу другом быти, а недругу недругом быти: хто будет друг мне, Менгли-Гирею царю, тот и тебе друг, великому князю Ивану...“ и т. д. были добавлены конкретные имена Ахмата и литовского короля,² то в образцах договоров, данных московскому послу князю Ивану Ивановичу Звенцу в апреле 1480 г., незадолго до нашествия Ахмата, имена окончательно определившихся врагов Московского государства выступают на первый план.³

Ко времени нашествия Ахмата союз был заключен, и это очень повлияло на благополучный исход дел, так как крымский хан не только не присоединился к Золотой Орде, но парализовал действия ее союзника литовского короля Казимира. Падение Новгорода и окончательное подчинение его Москве чрезвычайно взволновало Запад. Лучше всего выразилось это в поведении Казимира „Ягеллончика“, на которого держали ставку все недовольные Москвой и, в первую очередь, оппозиционные круги Новгорода. Казимир искал только подходящего предлога, чтобы в союзе с ханом Ахматом выступить против Московского государства. Таким предлогом для борьбы с Москвой была ссора великого князя московского с братьями Андреем и Борисом, резко отрицательно относившимися к единодержавной политике Ивана III.

Сговорившись между собой, князья Андрей и Борис с семьями, войском и имуществом, отъехали к Казимиру.

Казимир, конечно, обрадовался расколу между братьями, выразившемуся в такой резкой форме, и начал деятельно готовиться к походу,

¹ Сборник Русск. ист. общ., т. 41, СПб., 1884.

² „А на моего недруга на Ахмата царя быти ти со мною заодин: коли поидет на меня царь Ахмат, и мне к тебе весть послати, и тебе моему брату великому князю Ивану отпустить царевичев своих на Орду. А поидет на тебя Ахмат царь и мне Менгли-Гирею царю на него пойти, или брата своего отпустить с своими людьми, а быти мне на него с тобою заодин. Также ми и на короля...“ („Сборник...“, т. 41, стр. 4—5).

³ Там же, стр. 20—21.

выделив недовольным братьям на их кормление г. Витебск. Он шлет посла в Орду, поднимая ее на Москву и являясь, таким образом, инициатором нашествия Ахмата. Иван III мог оказаться в очень затруднительном положении, и он, конечно, понял, какую опасность таит отъезд братьев с войсками в напряженную пору борьбы Московского княжества с Ахматом, с одной стороны, и с Казимиром, с другой. Усиление врага за счет войск русских князей, к которым могли присоединиться силы других недовольных феодально-княжеских кругов, могло отразиться на событиях весьма плачевно.

Надо было принимать срочные меры к возвращению братьев, и великий князь посылает к ним боярина с приглашением вернуться и с обещанием жаловать их, а после того, как боярин вернулся, не добившись положительного результата, в догонку за уходящими братьями он шлет своего духовника и единомышленника ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Выбор Ивана Васильевича, конечно, не был случайным. Никто больше Вассиана не сочувствовал установлению единовласти на Руси, необходимого для освобождения отечества и создания крепкого государства. Два раза Вассиан ездил к Андрею и Борису, убеждая их возвратиться и ломая их недоверие к старшему брату. Какими словами подействовал талантливый проповедник на князей и в какой мере оказались действенными его слова, летописи не говорят, но, однако, братья-князья возвратились прежде, чем произошло столкновение с Ахматом на берегах Угры, а это было очень важно.¹

Наступление Ахмата и трудная для Москвы ситуация вообще — вызвали острую борьбу партий в Москве. На основании летописных материалов и Послания Вассиана можно сделать заключение, что на осторожного князя, оттягивавшего решительное столкновение с татарами в такой неблагоприятный момент, пыталась влиять партия боярско-княжеской оппозиции, которая советовала ему начать переговоры с Ахматом и пойти на всевозможные уступки. К этой партии, по свидетельству летописей, принадлежали бояре Иван Васильевич Ощера, Григорий Андреевич Мамон и другие „бояри богати... думающие хрестьянство выдать“.² Противоположная партия настаивала на активном против татар действии и стремилась окончательно покончить с зависимостью от них. Во главе ее стоял Вассиан Рыло, активный борец за церковное и государственное единение Руси.

Историки по разному расценивают поведение Ивана III во время нашествия Ахмата в 1480 г., впрочем все более и более склоняясь к оправданию его поведения во время нашествия, что делают

¹ Некоторые летописи прямо утверждают, что примирение братьев обеспечило положительный исход событий. К тому же склоняются и некоторые историки. „Их приход, — говорит, например, Пресняков, — решил дело. Хан Ахмат не мог принять боя с объединенными русскими силами и спешно отступил от Угры“. (Образование Великорусского государства, Пгр., 1918, стр. 425).

² ПСРЛ, т. VI, стр. 230.

не без основания. Действительно, весь доступный нам летописный материал, освещающий в той или иной мере нашествие, при внимательном его анализе, заставляет нас признать, что Иван III проявил себя при этом, как талантливый, дальновидный политический деятель, подготовивший победу. И дипломатическая подготовка войны, и распорядительность в отношении расстановки войск по Оке и Угре, и решительные меры, принятые для примирения с братьями, и, если верить „Казанскому летописцу“, организация рейда в тыл противника — все характеризует великого князя весьма положительно. В то же время Иван III остерегался открытого столкновения с татарами, старался оттянуть этот неизбежный момент и сделать все, что помогло бы ослабить удар со стороны татар. Он лучше других понимал, что Орда, соединившаяся с Литвой, была страшной силой. Тем не менее, многие жаждали встречи с татарами, желая окончательно стряхнуть с себя позорное и тягостное рабство. Пусть оно становилось к этому времени почти номинальным, тем выше следует оценить патриотическое сознание тех, кто не хотел и этого. Вассиан Рыло принадлежал к ним. Он близко стоял к Ивану, хорошо, конечно, знал его дипломатические и стратегические способности, но знал и его крайнюю осторожность.

Летописи передают нам, что Вассиан выступил против Ивана III, когда последний приехал из Коломны в Москву, направив войска к Угре. Наиболее резко рисует это выступление летопись Софийская 2-я.¹

„Нача же владыка Васиян зле глаголати князю великому, бегуном его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падет хрестьянская, что ты выдав их бежишь прочь, а бою не постави с татары и не бився с ними; а чему боишься смерти? не бессмертен еси человек, смертен; а без року смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю; а дай семо вои в руку мою, коли аз старый утулю лице против татар» — и много сице глаголаше ему...“.

Мы не думаем, что именно в этих словах выразилось столкновение Вассиана с Иваном III, так как они являются частью повести и представляют собой художественную характеристику и события, и героя (Вассиана), но мы можем совершенно определенно сказать, что столкновение у Вассиана с великим князем было и именно в таком духе, как трактует повесть, помещенная в Софийской 2-й летописи. За это говорит текст Послания Вассиана, где второй абзац напоминает о московском столкновении и объясняет причину его: „Молю же убо величество твое, ... да не прогневаешия на мое смирение еже первые дерзнувшу ми усты ко устом глаголати твоему величеству твоего ради спасения: наше убо, государю великий, еже воспоминати вам, ваше же еже послушати...“.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 223.

Резкое выступление Вассиана, направленное на то, чтобы воодушевить Ивана III на битву с татарами, указать ему на его прямой долг перед государством, перед народом, было вызвано прежде всего тем, что москвичи восприняли приезд Ивана III в Москву, как бегство от войска, которым он предводительствовал, как испуг перед силами татар.

Та же Софийская 2-я летопись отразила, вероятно, мнение многих в словах народа, обращенных к Ивану III: „Егда ты государь князь велики над нами княжишь в кротости и в тихости, тогда нас много в безлепце продаешь; а нынеча разгневив царя (Ахмата) сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром“.¹

Недовольство народа было так сильно, что великий князь, „бояся граждан мысли злыя поимания“,² не остался во дворце, а уехал в „Красное село“. Туда, вероятно, приезжал к нему и Вассиан, настаивая на отъезде к войску. Из Москвы великий князь едет в Кременец (в 50 верстах от Угры) и начинает переговоры с Ахматом. Узнав о начавшихся переговорах и видя в этом слабость Ивана III, Вассиан, верный своему стремлению воодушевить князя на битву, пишет ему свое знаменитое „Послание владычне на Угру к великому князю“.

Послание Вассиана было написано в начале октября 1480 г.³ на Дорогомилловском подворье,⁴ так что Вассиан, вероятно, все время, связанное со стоянием на Угре, был в Москве и доказывал необходимость решительных действий против татар не только великому князю, но, вероятно, и народу.

После долгого стояния на Угре, отраженного в повестях о нашей стороне, Ахмат бежал от Угры.

Великое для Русского государства событие Ростовский архиепископ отмечает тем, что заказывает художникам-иконописцам, Дионисию с товарищами, „писати Деисус“ в новый Московский Успенский собор — Дом пресвятой богородицы, — ставший символом величия Русской земли и главенства Москвы.

Вассиан делает это в знак благодарности за освобождение от татарского ига, в знак своего признания московской новой церкви — святыней общерусской. Умер Вассиан 23 марта 1481 г., несколько месяцев спустя после своего Послания на Угру, которое подвело итог его патриотической деятельности и закрепило его славу на будущее.

Данные биографии автора „Послания на Угру“ свидетельствуют о его близости к великому князю московскому, больше того, о его

¹ Там же, стр. 230.

² Там же.

³ Иван III пробыл в Москве с 30 сентября по 3 октября.

⁴ „... а писал на Москве на Дорогомиллове лета 6989“. Что писано на Дорогомиллове, говорит Синодальная летопись № 365 (см.: Н. М. Карамзин, т. VI, стр. 23, примеч. № 202).

участии в великом деле строения Русского государства во главе с Москвой. У нас есть основания предполагать, что и личная близость Вассиана с Иваном III была обусловлена его пониманием государственной программы великого князя, программы, которую он принимал, близко к сердцу, проводником которой он был. Вассиан проявляет себя не только как лицо, стихийно вовлеченное в исторический процесс и примкнувшее к нему по тому положению, которое он занимал, но и как человек, создавший для себя определенный взгляд на историческую ситуацию того времени и сознательно идущий к определенной цели. Этому помогла, во-первых, его связь с Троице-Сергиевым монастырем (вероятно, не по одному только игуменству), а этот монастырь имел уже свою традицию, идущую еще от Сергия Радонежского и четко поддерживавшую московскую политику централизации Русского государства вокруг Москвы. Во-вторых, Вассиан имел возможность взглянуть на дело не только из своего угла. Участвуя в посольстве в Литву по делам унии, он проездом в Литву мог побывать в Новгороде, а это не могло не расширить его горизонта и не подчеркнуть важности дела московских князей. Там он мог особенно сильно почувствовать центробежную силу, которую приходилось преодолевать Москве.

Посольство Вассиана в Литву тоже, конечно, не прошло даром. Необходимость объединения, могущего противопоставить себя внешним силам, становилась для него еще более очевидной. Само пребывание в Киеве, исконном русском городе, который в глазах духовного мира был особенно значителен, как бывшая митрополия и центр российской церкви, вероятно, усиливало желание иметь налицо силу, способную вырвать исконные русские владения из-под власти Литвы и соединить их воедино. Вассиан, вероятно, еще тогда почувствовал, что единство русской церкви становилось возможным только при политическом единстве, и ему, игумену Троице-Сергиева монастыря, это единство могло мыслиться только, как единство, возглавляемое Москвой. Вполне закономерно, что игумен, с такими взглядами на значение Москвы, оказался архимандритом великокняжеского Спасо-Преображенского монастыря. Стремления великого князя становятся и его личными стремлениями, и отношение к удельным князьям должно было все больше и больше усиливать в нем центростремительные настроения. Не следует забывать и того, что Вассиан был духовником великого князя и мог знать самые сокровенные замыслы Ивана III, мог знать гораздо больше, чем кто бы то ни было, а вместе с тем и знать характер своего духовного сына, его сильные и слабые стороны, что так ясно выразилось в его Послании. Выходец из Сергиевой обители, Вассиан держал в своем сознании сильней всего необходимость освобождения от татар. Каковы бы ни были классовые предпосылки общественно-политического мировоззрения Вассиана, его убеждение в необходимости довести до конца борьбу с Золотой Ордой объективно

совпадало с настроением трудового народа, на плечи которого ложились „выходы“ и „дани“ и который сильнее всех страдал от постоянных нашествий татарских орд, больших и малых.

Русская публицистическая литература XV в. не может быть оценена по достоинству без „Послания владычня на Угру к великому князю“.¹ Вероятно, знаменитому „Посланию“ Вассиана предшествовал ряд других его посланий и проповедей на различные темы, но они не дошли до нас. Дошло единственное, но, думается, лучшее из них: не случайно оно попало в летописные своды. Это произведение должно занимать почетное место в древне-русской публицистике. Оно все проникнуто стремлением к освобождению от татарской зависимости, и в этом отношении мы не можем не отметить его преимущества даже перед такими литературными памятниками, как „Слово избрано еже на латыню“, или „Сказание о князьях владимирских“.

В своем „Послании“ Вассиан Рыло использует свой богословско-научный багаж не с целью укрепления каких-либо догматических и морально-исторических положений, а с тем, чтобы убедить Ивана III сразиться с татарами, чтобы раз навсегда покончить с ненавистным для русских людей игом. Конечно, риторическая изукрашенность — непременная принадлежность литературы этого времени, — усиленная многочисленными цитатами и библейскими образами, несколько затрудняет для современного нам читателя восприятие „Послания“ и создает впечатление некоторого „плетения словес“ — недаром ведь Вассиан Рыло был тесно связан в своей жизни с тем литературным центром Московского княжества, в котором работали Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. То, что мы находим с избытком в их творениях, не

¹ Таков заголовок в летописи „Софийской 2-й“ (ПСРА, т. VI, стр. 225). В других списках оно названо иначе. Напр., в Никоновской — „Послание архиепископа Ростовского Вассиана к в. кн. Ивану Васильевичу всея Руси самодержьду на Югру о храбръском подвизе противу безбожных татар за православное христианство богом дарованные ему державы Русскаго царствия“. (Шумиловский список. ПСРА, т. XII, стр. 203); в Воскресенской — „Грамота на Угру вел. кн. Ив. Вас. всея Руси, дабы стоял против безсерменства крепко за христианство“. (ПСРА, т. VIII); в Казанском летописце — „Послание архиепископа Вассиана Ростовского вел. кн. Ив. Вас. всея Руси, егда стоял противу царя Ахмата на реце Угре“. (Список XVII в., хранящийся в библ. им. Ленина под шифр. М. 1517, л. 241); в Вологодско-Пермской летописи — „Послание к вел. кн. Ив. Вас. от Васяна архиепископа Ростовьскаго“. (Список пол. XVI в., хранящийся в Гос. Ист. музее в Москве, Синод. собр., № 485). Известна только одна редакция Послания Вассиана, что освобождает нас от обязанности давать сравнительно-текстологический анализ его, те же небольшие различия, которые можно наблюдать в различных списках, никакого существенного значения не имеют.

могло не войти и в произведения бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря.

Учительные послания, к которым принадлежит Послание на Угру, получили свое развитие на Руси благодаря, прежде всего, латинству и ересям, бороться с которыми русские иерархи считали своей первой обязанностью.¹ Среди посланий, направленных против еретиков, посланий с целью укрепления православия или разъяснения того или иного догмата, послания преимущественно общественно-политического содержания занимают по количеству небольшое место. Самым значительным из них, конечно, является Послание Вассиана. В нем слилась струя догматическая с общественной в едином патриотическом направлении, причем самые жанровые особенности этого вида древне-русской литературы достигли, пожалуй, своего совершенства. Они состоят, прежде всего, в том, что каждое положение послания должно являться не как замысел автора, а как логическое осмысление текстов священного писания и писания отцов церкви.²

Такие послания становились достоянием не только лиц, к которым они направлялись. Они переписывались, теряя при этом индивидуальные свои черты и становясь общепублицистическими памятниками, которые ложились в основу последующих. Чем ярче было послание, тем больший путь воздействия на литературу оно проходило. И в этом отношении Послание Вассиана Рыло является наиболее ярким примером.

Необходимо напомнить, что Послание на Угру должно рассматриваться на фоне трудов древних русских богословов, поэтому мы должны удивляться не тому, как часто Вассиан Рыло цитирует священное писание и оперирует библейскими событиями, а скорее тому, как он талантливо это делает, подчиняя образы и язык священного писания своему замыслу и создавая произведение очень убедительное для современников автора. От библейских же образов и текстов нельзя отстраниться потому, что без них мы не сможем понять идеи и дух той эпохи, не сможем понять и способа их выражения.

¹ „Исключительные дарования и редкая начитанность преподобного Иосифа Волоцкого сделали доступны для потомства лишь благодаря ереси (жидовствующим). То же можно сказать об иноке Отенском Зиновии, которого вызвала на литературную борьбу ересь Косого. . .“ (В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей. . . Киев, 1901, стр. 51).

² Несколько курьезное подтверждение этих особенностей мы находим в Послании митрополита Фотия. Если в Окружном послании против избрания Григория Цамблака он приводит 30 правил-канонов церкви, то в другом своем послании, направленном в Псков, процитировав два канонических правила, он указывает еще на пять правил и при этом просит простить его, что не успел отыскать нужные для цитат места. „И вы, сынове, — добавляет митрополит, — сами поищите в святых правилах тех правил, пишущих о том“ (М а к а р и й. История русской церкви, т. V. СПб., 1866, стр. 23).

„Догматы церкви, — говорит Энгельс о том времени, — были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона“.¹ Блестящим подтверждением этой мысли выступает анализируемый нами памятник.

Послание Вассиана направлено против советников Ивана III, склонявших его к переговорам с ханом, к просьбам о мире, к продолжению покорности Орде, направлено и против самого Ивана III, его боязни начать генеральное сражение с татарами. Оно призывает великого князя к решительным действиям и ставит проблему борьбы с татарами в плане обязанности Ивана III перед церковью, перед христианской православной верой, перед всем народом, от имени которых автор выступает.

Но Послание раскрывается перед нами и в более широком плане, обнаруживая область идеологических течений того времени. Идеологическая же жизнь второй половины XV в. была гораздо богаче, чем ее изображают иногда. Характеризуя то время (и первую половину XVI в.), обычно выдвигают лишь два направления: „осифлянство“ и „нестяжательство“.² Нельзя, конечно, не признать эти направления существенно важными, но и сводить всю идеологию того времени к ним тоже нельзя.

Во второй половине XV в. более определенно выступали другие идеи, связанные непосредственно или косвенно с вопросом о независимости русского народа, с вопросом освобождения от татарского ига, в первую очередь, и с вопросом о создании единого централизованного государства, как необходимого условия этой независимости, этого освобождения. К ним можно отнести идею богоизбранности великокняжеской власти, идею — Москва — третий Рим, идею — Русь — новый Израиль (богоизбранность русского народа) и, наконец, непосредственно идею национальной независимости, идею, которая вынашивалась всем народом.

Уже пышный титул, данный Вассианом Ивану III в самом начале Послания, показывает нам, какими понятиями оперирует автор. Согласно этому титулу, высокий адресат является „богом венчанным и богом утвержденным государем“, он выдвигается как государь, „во царях пресветлейший“, благочестивейший из всех, он — великий князь „всеа Руси“. Все три понятия эти подкрепляются текстом Послания, что показывает закономерность появления их в заглавном обращении.

Идея богоизбранности (лучше сказать богоустановленности) великокняжеской власти, генетически восходящая к библейским

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Соч., т. XVIII, стр. 128.

² И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI в. Ист. зап., 1945, № 15.

преданиям, для средневековья была довольно существенной. Она тем более существенна, что сыграла известную роль в деле формирования и укрепления Московского государства, так как утверждала за великим князем московским приоритет богоизбранности и, следовательно, непререкаемого главы единого государства. В умах многих это сливалось с идеей о великом князе, как о главе церкви, что тоже очень существенно, так как церковь представляла собой организацию общерусскую. Митрополит, возглавлявший ее, носил титул митрополита „всеа Руси“. Глава церкви, следовательно, не мог мыслиться иначе, как верховный руководитель всей Руси, в его лице руководство церковное смыкалось с руководством политическим, государственным. Значительную роль в развитии этой идеи сыграла Византия, где императоры со времени Вселенских соборов поставлялись царями всех ромеев, т. е. всех христиан, и считались даже, в некотором роде, служителями религиозного культа.¹ Роль византийского императора, как богоизбранного владыки и главы церкви, старательно выдвигалась Византией прежде всего по отношению к древней Руси. Однако постепенное ослабление Византии изменило и взаимоотношения московских князей с византийским императором. Одновременно с политическим ослаблением Византии идея богоустановленности власти императора византийского, его значение, как главы церкви, — в глазах древне-русского общества постепенно меркло, заменяясь сознанием, что великий князь московский должен стоять теперь на его месте. После Флорентийской унии авторитет предавшего православие византийского императора не мог, конечно, стоять высоко.

Православное духовенство, воспитанное на идее богоустановленности власти, с одной стороны, и на смыкающейся с ней идее, по которой глава государства воспринимался и как глава духовный, ответственный за порученное ему богом „стадо словесных овец“, с другой, должно было перенести это на великого князя московского. Этому способствовала и некоторая русская традиция. В середине XV в. идея, согласно которой великий князь Московский мыслился, как глава духовный, находит уже отражение в литературных памятниках: в Пахомиевой редакции Жития Сергея Радонежского, в „Слове избранном еже на латыню...“ и других. Великий князь, мыслящийся как власть богом установленная, власть, стоящая и во главе церкви, признавался таким и в действительности. Со времен митрополита Ионы, поставленного вопреки воле Византии и выдвигавшего власть московского великого князя, как владыки духовного, это руководство князем церковью приобретает все больший практический размах и смысл. Московские князья не сторонились ни этой идеи, ни идей, ей подобных. Они умело

¹ В. Савва. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Ф. Курганов. Византийский идеал царя и царства. . . Правосл. собеседн., 1881, июль—август, Казань; Русск. ист. библ., т. VI, прил., стр. 272.

оперировали ими в целях централизации русского государства вокруг Москвы.

Вторая идея, известная по ряду произведений втор. пол. XV в., это — идея богоизбранности русского народа.

Древняя Русь, окруженная латинством с Запада и иноверными соседями с Востока, теми „погаными“ и „бесстыдными“, с которыми ей приходилось постоянно бороться, начала противопоставлять себя этому окружению и культивировать постепенно идею богоизбранности русского народа. С начала татарщины на Руси все сильнее развивается мысль о христианской вере и носителе ее — русском народе, как силе, противостоящей „поганым“ татарам. Эту мысль все время поддерживают летописи, и особенно сильно, пожалуй, она отразилась в житийной литературе.

В XV в. эта идея противопоставления русского народа иноверным татарам неуклонно росла и активизировалась. События первой половины XV в.: Флорентийская уния, а потом и падение Константинополя — должны были усилить идею обособления Русской земли, ее богоизбранности, так как истинное православие, по мнению богословов того времени, осталось только на Руси. Митрополит Иона, подчеркивая благочестие русского православия, называет свою русскую паству „паствою великого богоизбранного Христова стада словесных овец“.¹ Автор „Слова избрана еже на латыню...“ тоже употребляет этот термин по отношению к русскому народу, называя его „богоизбранным Христовым стадом словесных овец“.² Постепенно идея богоизбранности русского народа все более и более распространяется в сознании русского общества, и это уже с несомненной очевидностью отразит литература XV—XVI вв., когда „московские публицисты... смело провозглашают Русь «Новым Израилем», «Сионом», царством, которое «Владыка Христос уподобил ветхой державе противу Иерусалиму», страной «обетованной»“.³

В ряду писателей, разрабатывавших идеи богоустановленности великокняжеской власти и богоизбранности русского народа, определенное место занимает и Вассиан Рыло. Заранее следует сказать, однако, что в своем Послании он не является проповедником этих идей, а лишь использует их в весьма боевых целях.

Вассиан выступает в Послании как бы от имени народа. Он настойчиво указывает своему адресату на русский народ, для которого и во имя которого должен действовать великий князь московский — политический вождь этого народа.

¹ Русская историческая библиотека, т. VI, стр. 654.

² См. текст, опубликованный А. Поповым в Историко-литературном обзоре полемических сочинений.

³ Н. И. Ефимов. Русь — новый Израиль. Казань, 1912, стр. 44.

„Хрестьянство“ (или „словесное стадо христовых овец“) и наполняемое земным содержанием слово „отечество“ — вот понятия, за которыми стоит в Послании русский народ.¹

Что понятие „хрестьянство“ и „словесное стадо христовых овец“ (последнее — образ библейский) — в нашем Послании понятия не абстрактные, относящиеся ко всему христианскому миру (пусть „греческого закона“), а указание на русский народ, это очевидно. Так, во-первых, „прежнии развратници“ склоняют Ивана III, как говорит Вассиан, предать „хрестьянство“ и „словесное стадо христовых овец“, а речь, конечно, идет в отношении только русского народа. Во-вторых, автор призывает „избавити“ или „исхитити из уст Ахмата“ „словесное стадо“, что тоже, конечно, может относиться только к русскому народу. В-третьих, он требует, не сохранять верности хану, так как это ведет к гибели, т. е. допущению в Русскую землю „на разрушение и потребление хрестьянству“ врагов. Речь, как видим, и здесь идет только о русских христианах (хрестьянах), о русском народе, о том „стаде“, которое поручено Ивану III.

Время Вассиана — тот период, когда Русское централизованное государство определялось, крепло; то время, когда в сознании передовых людей не могло не сложиться понятия о каком-то единстве не только территориальном, но и национальном. Послание Вассиана рисует перед нами такую стадию, когда это понятие ищет своего выражения в новом, еще не очень привычном, а может быть и совсем непривычном слове. Слово „отечество“ встречается тут несколько раз. Автор, конечно, вкладывает в него не только понятие территориальности, это видно из контекста, это можно подтвердить и еще одним прямым доказательством: там, где Вассиан хотел дать определению территориальный смысл, он употребил слово „отчина“.

Слово „отечество“, конечно, встречалось в древне-русской письменности и до Послания Вассиана. Оно было знакомо и по библейским книгам, и по другим памятникам. И там оно уже заключало в себе

¹ Понятие „Русская земля“, такое обычное для памятников древней Руси киевского периода, здесь тоже фигурирует, но только в приложении к „прежебывшим прародителем“ Ивана III: „Поревнуй прежебывшим прародителем твоим великим князем, неточию Рускую землю обороняху от поганых и иные страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Мономаха, како и коли бился со оканними половци за Рускую землю и иные мнози, их же паче нас ты веси...“.

„Стереотипное выражение XI—XII века“ (В. О. Ключевский. Русская история, т. I, стр. 248) и относится автором к тому времени. В настоящем оно уже изменялось и переходило в новое „стереотипное выражение“: „Отечество“, „Русские страны“ („и который пророк пророчествовал или апостол... или святитель научил сему... дарю повинатися тебе, великому Русьских стран хрестьянскому дарю“). „Земля наша“... („Попусти бог... на всю землю нашу... Батыя, иже... поплени всю землю нашу“).

не только территориальное понятие, но в какой-то степени и понятие родной страны, родины, но тут оно повторяется с большой настойчивостью в довольно ясно выраженном контексте, в значении, пришедшем на смену понятию „Русская земля“¹ и включавшем в себя понятие „народ“, как национально-государственное объединение.

Все содержание Послания можно свести к следующему:

Великий князь всея Руси, политический и духовный владыка всего русского народа, поставленный богом во главе народа избранного им (богом), народа — Нового Израиля, должен выполнить волю своего народа, направленную к полному освобождению от иноземного и иноверного порабощения. В решительный час нельзя вести унижительные и гибельные переговоры. Нужно не отступать, к чему склоняют „прежнии развратници“ — приближенные великого князя, — это было бы бесчестьем и предательством, это было бы гибелью для православия, для русского народа, для всей Руси — а немедленно идти на врага, на бой за свой народ, за отечество, как шли лучшие из его предков. Пришло время освобождения, и великий князь московский должен выполнить свою великую миссию вождя-освободителя, миссию нового библейского царя-судьи. Освобождение утвердит „твердое и честное и крепкое царство“.

Тот библеизм с некоторым налетом религиозного мистицизма, который не может не бросаться в глаза, конечно, больше элемент формальный. За ним ясно ощущается структура крепнущего государства во главе с московским великим князем, а потом царем, для которого действительно пришло время.

Центральная идея Послания — призыв к освободительной битве.²

Этот призыв подкреплялся в Послании предложенной Ивану III программой, которой придерживался и сам великий князь Иван Васильевич, программой, устремленной в будущее: не только отразить нашествие, но и укрепить положение государства так, чтобы нашествия

¹ Через несколько лет после появления Послания в приписке к повести о нашествии Ахмата, повести тесно связанной с Посланием, автор ее, знакомый с Посланием Вассиана, обратится к соотечественникам с призывом: „... Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю“. Тут „стереотипное название“, выражающее „идеи и чувства времени“ (В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 248), разъясняется исконным выражением — Русская земля.

² Смысл Послания на Угру очень хорошо был усвоен древне-русскими книжниками (а следовательно, и всеми, кто был с ним знаком). Это видно из тех летописных сводов, которые не помещали целиком Послания, а коротко упоминали о нем. Напр., в Чертковском списке Вологодско-Пермской летописи, где Послание Вассиана не помещено, мы читаем о нем: „И посла свою грамоту к великому князю Васьян архиепископ Ростовский а пишут в своих грамотах чтоб государь стоял крепко противу безбожного дая, а не слушал бы изменников, которые не хотят добра Руской земли и православному христианьству“. (Рукопись № 360, Собр. Черткова, Ист. муз., л. 431).

не повторялись, чтобы не только зависимость от татар, но и они сами, как постоянно угрожающая сила, перестали существовать.

Историческая целесообразность этой программы вполне выявилась уже во времена Ивана IV. В год же нашествия Ахмата она не была даже сколько-нибудь ясно выражена. И тем важнее, что в Послании Вассиана мы можем усмотреть ее следы. Для автора Послания вопрос об освобождении от татарского ига стоял уже в плоскости „покорения врагов под ножи“ великого князя московского. Он говорит о „покорении“ с большой настойчивостью, и это не традиционная фраза, вырванная из текстов священного писания, а определенное намерение, внушаемое адресату.

Экспозитивная часть Послания,¹ рисующая приезд великого князя в Москву, когда Иван III обещал митрополиту, великой княгине матери, князьям и боярам „крепко стояти за благочестивую нашу православную веру и боронити свое отечество от бесерменства“, обещал не слушать „духов лстивых“, предателей народа, — показывает, как воспринято было московским обществом „обещание“ князя и напутственное слово митрополита. Свидетели — все: и духовенство, и князья, и бояре, и народ. В их глазах это обещание было своего рода крестоцеловальной клятвой итти против врага и не слушать боярскую часть, нашептывающую Ивану предательство. Может ли Иван III нарушить эту клятву, не потеряв великокняжеского своего престижа? Это одно из психологических построений Вассиана, которое выступает, как очень убедительный аргумент. И этот довод усиливается, когда автор говорит о всенародной постоянной молитве о победе. Хорошо учитывая силу боярской клики с ее узко феодальными стремлениями, понимая, что некоторые из бояр будут склонять великого князя к осторожности, к решению избежать схватки с врагом,² и думая, что осмотрительный, осторожный Иван Васильевич может поддаться их „прелести“, автор, еще в Москве — это можно видеть из Послания — выступал против них, добившись со стороны Ивана III обещания „духов же лстивых, шепчущих в ухо... еже предати хрестьянство, не слушати“. „Духи лстивые“, под которыми можно было бы подразумевать бесов, склоняющих Ивана III на худое, направленное против православного христианства дело, оказываются приближенными боярами.³ Можно было бы, будучи современни-

¹ Она идет вслед за пышным обращением к Ивану III, чрезвычайно высоко ставящим адресата, и объяснением автора по поводу его резкого выступления против Ивана III, вызванного его обязанностью, как иерарха русской церкви и духовника великого князя.

² Ясно, что Вассиан знает их настроение по Москве, знает, к чему они будут склонять Ивана III, и уже не в первый раз сражается с ними, не случайно называя их „прежними развратницами“.

³ „Прииде же убо в слухи наша яко прежнии твои развратници не престають шепчуще в ухо твое лстивая словеса и совещають ти не противитися супостатам, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овець...“.

ком этих событий, решить, что и устами бояр говорят бесы, „духи льстивые“. Так именно трактуют это некоторые летописи, сообщающие о том, как Иван III уклонялся от битвы с татарами, „слушаючи злых человек сребролюбеть богатых и брюхатых и предателей хрестьянских, а норовников бесерьменьских, иже глаголют побезати и не мози с ними стати на бой, сам бо диавол их усты глаголаше“.¹

В Никоновском лицевом своде миниатюрист так и изображает событие: едет отряд, предводительствуемый Иваном III, и в задних его рядах нарисован диавол.² Но Вассиан, в противоположность летописцу, в данном случае весь в земном, хотя и говорит „от божественного писания“: он борется с влиянием не дьявольским, а боярским, несколько раз возвращаясь в Послании к ненавистным ему „прежним развратником“. Он дает им уничтожающую характеристику (используя Послание апостола Павла к римлянам): советники Ивана выступают, как люди, извращающие правду народную,³ как люди, занятые личным, мелочным, пошлым — во вред общественному, общенародному.⁴ Образное евангельское выражение: „Аще око твое соблазняет ти, истгни е, или рука или нога, отсеши ю повелевает“ — автор разъясняет своему духовному сыну, как совершенно определенное указание на этих советников великого князя,⁵ которые толкают его на позор и несчастье. Смело нарисовал автор картину бесчестия для вождя русского народа, если он склонится на сторону бояр.

„И что убо съведають ти льстивии и лжеименитии, мнящесе быти хрестьяне? Токмо еже повергши щиты своя и нимало спротивлешесе оканным сим сыроядцем, предав хрестьянство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам. Помысли убо, о велемудрый государю! от каковыя славы и в каково в бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим и церквам божим разореным и оскверненым“.⁶

Сопоставление величества Ивана III (оно утверждается всем построением Послания и прежде всего пышной терминологией) с уничтожением в случае отступления, этот контраст „от каковыя славы в каково в бесчестие сводят твое величество“ — не мог не подействовать на Ивана III, который шел уже по пути возвеличения власти русского государя, ощущая это, как необходимое явление в деле укрепления Русского государства.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 224.

² Шумиловский том, л. 342 об.

³ „Иже истинну в неправдех держащим“ — так в рукописи М. 735 и М. 1517 (Всесоюзн. Публ. библ. им. В. И. Ленина), в Софийской 2-й — „и неправду“. В Послании к римлянам апостола Павла (гл. I, стих 18) — „Открывается бо гнев божий с небес на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде“.

⁴ „Осуетишися помышленни своими“ и „омрачися неразумное их сердце“.

⁵ „Не сию же разумевай видимую и чувственную свою руку или ногу, или око, но ближних твоих, иже советуют ти не на благое...“.

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 226.

Вассиан не останавливается на этой стороне дела. Он указывает и на ответственность Ивана III перед „вечным судом“ за свою паству, за судьбы своего народа. Яркие цитаты из священного писания звучат тут устрашающе и убедительно (для современников автора).

„И кто каменосердечен не всплachtetся о сей погыбели?! Убойжеся и ты, о пастырю! Не от твоих ли рук тех кровь възыщет бог, по пророческому словеси? И где убо хощеси избежати или воцаритися, погубь врученное ти от бога стадо? Слыши что глаголет пророк: «Аще възиграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сътвориши, то и оттуду тя свергу, рече господь». Инде же¹ глаголет: «Камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо бегу? Аще възыду на небо, ты тамо еси: в последних моря — рука божия наставляет и удержит десница его»“.²

После патетических цитат автор опять обращается к тем, кто отговаривает Ивана от решительной схватки с врагом отечества: „Не послушай убо, государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие и твою славу в бесславие преложити, и бегуну явитися, и предателю хрестыянскому именоватися“. Как будто, те доводы, которые могли привести великого князя к отступлению, автор Послания целиком относит за счет рассуждения „льстивиих“, убеждая князя оставаться верным тем замыслам, которые соответствуют интересам народа и которые Иван вынашивал, очевидно, давно в своем сердце, открытом разве только для своего духовника, каким был Вассиан в прошлом.

Быть твердым, вот что требуется в данный момент. Это положение автор подкрепляет и цитатой из священного писания, и ссылкой на „Димокрита философа“.³ Тут Вассиан выходит за рамки священного писания и русской истории. Этот факт важно отметить не только как показывающий ученость ростовского архиепископа. Вассиан знает устремления Ивана III и потому вспомнил Демокрита.

Несомненно, эта цитата ведет нас к „Пчеле“. Анализируя „Пчелу“ и Послание Вассиана, мы можем лишний раз убедиться, как осмысленно отбирал автор свои цитаты, вставляя их в Послание. Так, в „Древней русской пчеле“, изданной по списку XIV—XV в.,⁴ т. е., значит, по одному из тех, которые мог читать и Вассиан, в главе „Слово 9-е,

¹ В Софийской 2-й — „И ин же глаголет“.

² В Софийской 2-й — „его“ — нет. Так в рукописях. М. 735 и М. 1517 (Всесоюзн. Публ. библ. им. В. И. Ленина). Псалом 138-й, стих 7—10-й: „Камо пойду от духа твоего; и от лица твоего камо бегу; аще възыду на небо, ты тамо еси; аще сниду во ад — тамо еси; аще возьму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука твоя наставит мя и удержит мя десница твоя“.

³ „И слыши что глаголет Димокрит философ: первый князю подобает имети ум ко всем премежным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок“.

⁴ Виктор Семенов, Древняя русская пчела. СПб., 1893.

о власти и о княжении¹ мы найдем изречения не только Демокрита, но и других философов и отцов церкви, а также изречения из Евангелия и Апостолов. Легко убедиться, что ни изречение из Евангелия, говорящее о смирении, ни из Апостолов, трактующее о покорении цезарям, ни из Иоанна Дамаскина — о кротости и совестливости, ни из Плутарха, замечаящее, что „мужем ненаказанным“ (неопытным) нельзя давать власти и силы, ни другие — все очень образные и в качестве украшения выгодные — не были использованы Вассианом, как не отвечающие тем идеям, которые он проводит со всей страстью в Послании. Да и из изречений Демокрита он взял одно только, нужное ему, и цитирует его, возможно, на память.

Свою начитанность Вассиан Рыло использует и дальше, когда на историческом материале, взятом из летописных сводов, на примере прародителей Ивана III, показывает, как великий князь должен действовать. „Поревнуй прежебывшим прародителем твоим, великим князем: неточию Рускую землю обороняху от поганых, но иные страны приимаху под соби, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царех дань имали, потом же и Владимира Монамаха, како и коли бился со оканными половци за Рускую землю, и иные мнози, их же паче нас ты веси“.² Вряд ли московский великий князь, который ощущал себя, в некотором роде, преемником великих князей киевских, мог оставаться равнодушным к подобным примерам. Следует отметить, что если „Сказание о князех Владимирских“ ставит эту проблему с целью ее утверждения, то тут мы имеем новое доказательство жизненности и значительности этой идеи для того времени, и вассианово Послание — свидетель тому. С другой стороны, нужно отметить, что Вассиан использует и эту идею в своих публицистических целях.

Еще более определенный и убедительный аргумент выдвигает Вассиан, когда напоминает Ивану III события 1380 г. Идеальный образ Дмитрия Донского, образ, взятый из сказаний о Донском, рисуется автором в сходных ситуациях.

„И достойный хвалам великий князь Дмитрий, твой прародитель, каково мужество и храбрость показав за Доном над теми же сыроядци оканными, еже самому ему напреди битися, не пощаде живота своего избавления ради хрестьянского...“ Дмитрий — „не усумнеся и не убоися татарьского множества, не обратися вспять, не рече в сердци своем: жену имею и дети и богатество многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся...“, но смело выехал на подвиг

¹ Виктор Семенов, ук. соч., стр. 96.

² Акад. А. А. Шахматов отмечает эту фразу, считая, что она „переносит нас к предисловию Софийского временника: „Како быша древнии князи и мужи их и како обороняху Русьскую землю, а иные страны приимаху под ся“ (ПСРЛ, V, 87; XV, 27 и др.). — („Ермодинск. летоп. и Ростовск. владычи. свод“, Изв. ОРЯС, 1904, т. IX, кн. I, стр. 422).

лицом к лицу с Мамаем и этим вселял уверенность в сердца своих воинов. Кроме прямого укора Ивану за его нерешительность и стремление избежать сражения, что, конечно, могло только отрицательно действовать на дух войска, тут и другой, косвенный, и очень, однако, острый упрек, связанный с отъездом Софьи Палеолог на Белоозеро. Из предосторожности Иван III отправил жену на Белоозеро вместе с великокняжеской казной („богатство многое“), и москвичи, конечно, отнеслись к этому резко отрицательно.¹ Вывод, который они делали, что в случае неудачного исхода столкновения с татарами или просто отступления русских войск Иван III может вместе с женой и казной „инде вселиться“, т. е. попросту уехать в иные страны, с которыми был связан через жену (так могли решать русские, неприязненно относившиеся к великой княгине-иноземке) — был вполне закономерен. Он и отразился в этом месте Послания.

Пример с Дмитрием Донским Вассиан использует и в другом плане. Во-первых, он показывает, как решительные действия Донского были поддержаны божественной силой,² во-вторых, он старается воздействовать на Ивана III, как на христианина, доказывая, что даже в случае неудачи для него и войска, убитым принадлежит венец мученический, раненым — прощение грехов.

Не ограничиваясь примером Донского, автор, верный своему принципу разъяснить все до конца, чтобы не было мест двояко толкуемых, и тут говорит, что божья помощь не замедлит и в отношении Ивана III, как и награда неба за подвиг, стоит только отбросить нерешительность. Автор Послания, как видим, старается предусмотреть все, за что может уцепиться осторожность Ивана III, и предотвратить эту возможность. Особенно яркий пример этого — разрешение от клятвы, данной „по нужди“, не выступать против царя. Для еще большей убедительности автор указывает, впрочем, и на то, что Ахмат не имеет права на титул царя. Интересно отметить, что в своем Послании Вассиан несколько раз присваивает Ивану III царское достоинство,³ противопоставляя „хрестьянского“, „богом утвержденного“ царя татарскому хану. И, несомненно, он идет дальше осмысления термина, как

¹ Летописи отмечают отъезд Софьи в весьма (для нее и ее свиты) отрицательных тонах: „Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никто же; и по которым странам ходили, тем пуще татарь от боярьских холопов от кровопийцев хрестиянских — воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им: быша бо жены их тамо, возлюбихи бо паче жены, неже православноу хрестиянскую веру... ослени бо их злоба их...“ (ПСРЛ, т. VI).

² „... всемилостивый бог дерзости его ради не покосне, не умедля... но вскоре посла свою помощь...“.

³ „Во царех пресветлейшему“, „приехавшу в царствующий ти град Москву“, „бог да сохранит царство твое“, „боголюбивый и вседержавный царю“, „где убо хоцещи избежати или воцаритися“, „крепкий и храбрый царю“, „боголюбивый царю“ и т. д.

имени главы православия. За настойчивым употреблением этого термина видно стремление автора указать Ивану III, что „царь“ — это никому не подчиненный владыка, самодержец (в первоначальном значении этого слова).¹

Иван III, — этот „богом венчанный и богом утверженный“ царь и владыка, — должен стоять во главе русского национально-освободительного движения до конца и завершить военным ударом то, что он проводил неуклонно во всей своей политической деятельности.²

Все аргументы, которые выдвигает Вассиан в своем Послании, вкратце могут быть сформулированы так:

1) Поведение Ивана III при приезде в Москву и его „обещания“ были восприняты всем московским обществом от митрополита до простого народа, как своего рода крестоцеловальная клятва, нарушение которой было бы для великого князя бесчестием.

2) Советы боярской клики, склоняющие Ивана к отказу от сопротивления татарам, ведут к гибели отечества и бесславию самого князя.

3) Великий князь несет ответственность не только перед народом, но и перед богом, которым он поставлен во главе паствы. Бог взывает с него за гибель паствы. От него не скроешься.

4) Решительных действий князя против врага отечества требует не только религиозно-настроенная мысль, но и мудрость светская, которую представляет философ Демокрит и которая определяет отношение к действиям Ивана III со стороны внешней (иноземной).

5) Пример „прежебывших прародителей“ говорит о величии и славе Русской земли и о борьбе князей за независимость своего отечества. Им нужно подражать, с ними сравняться.

6) Борьбе с татарами отдал свои силы Дмитрий Донской, борьбе с теми же татарами, что угрожают и ныне. Его решительность принесла не только победу, но и славу в потомстве, ореол заслуженной святости, который стоит и перед Иваном III.

Все эти аргументы усиливаются тем, что пронизаны идеями своего времени, идеями, о которых мы говорили выше, и главные из кото-

¹ Вокруг этого термина у филологов и историков возникла в свое время полемика. М. Дьяконов („Власть московских государей...“ СПб., 1889) считал, что титул царя, прилагавшийся автором „Слова избрана еже на латыню“ к вел. князю Вас. Васильевичу, означал единственного после падения Константинополя православного государя. А. И. Соболевский (Археол. зам., гл. „Царь“, Чт. в Ист. общ. Нестора Летоп., кн. 6, Киев, 1892. Отд. 2-е), прослеживая историю внедрения этого слова в русскую действительность, пришел к выводу, что употребление титула „царь“ находится в связи не с отвержением Флорентийской унии и не с падением Византии, а с усилением у нас южнославянского влияния, через посредство Афона, что оно стало употребляться как синоним слова „великий князь“, рядом с ним. Послание Вассиана, как кажется, заставляет прийти к выводу, что более прав был М. Дьяконов.

² И что Вассиан, его бывший духовник и сподвижник, знал очень хорошо, как знал и осторожность Ивана III.

рых — идея богоизбранности русского народа, идея богоустановленности власти великого князя, идея преемственности власти московского князя от великих князей киевских и другие. Все это идеологическое снаряжение подчинено главному стремлению к национальному освобождению и укреплению русского централизованного государства.

* * *

Разобранное построение Послания — одна сторона, важная для историка. Нам необходимо рассмотреть и другую, чтобы с полным правом отнести этот памятник древне-русской письменности в разряд литературы, памятник, важный для изучения не только как исторический документ, но и как документ выразительный, т. е. обладающий теми или иными художественными достоинствами.

Прежде всего, нужно отметить, что образы и лиризм Послания для его современников был несравненно значительнее, чем для нас. Почти за каждой фразой стояло нечто, помогавшее автору воздействовать нужным образом на адресата. Примером, подтверждающим это, может служить фраза Послания — „Внимай убо себе и всему стаду в нем же ты дух святой постави...“. Она наполнялась для современников не только совершенно определенным смыслом, но и глубоким чувством, которое создавалось Словом Василия Великого (на понедельник сырной недели) — „О еже внимай себе“. Тема этого слова, воплощаемая в формулу „Внимай убо себе“, проходит через все произведение и звучит все время, повторяясь не менее двадцати раз. И для Ивана III она звучала сильнее всего в словах: „Внимай себе, да не совратишия с пути, да не уклонишия надесно или налево, но путем царским шествуй...“, так ясно выражающих и тенденцию Васиана.¹

За каждым из упоминаемых Васианом библейских эпизодов стояла образная библейская легенда, известная великому князю (кому, как не Васиану Рыло, бывшему духовнику Ивана III и архимандриту придворного монастыря, было знать об осведомленности Ивана Васильевича в этих вопросах), и, несомненно, если не все, то некоторые из них всплывали (или должны были всплывать) перед мысленным взором великого князя московского и древне-русского читателя вообще.

За каждым библейским именем, упоминаемым в Послании, таился поучительный для великого князя московского эпизод, смысл которого был ему, да и всякому древне-русскому книгочею, понятен. Иван III должен был „поревновать“ библейским примерам, на которых ростовский архиепископ показывает великому князю, что в борьбе за освобождение богоизбранного народа все средства богоугодны, все средства освящены. Несомненно, автор поступал в этом случае вполне

¹ См. рукопись XV в. из Собр. архимандр. Амфилохия, хранящуюся в Отд. рукописей Всесоюз. Публ. библ. им. В. И. Ленина под шифр. М. 653, а также рукопись исхода XIV в. из Собр. Троице-Серг. мон., № 129, хранящуюся там же.

сознательно, действуя на Ивана III и убеждая его быть решительным. Каждый пример — намек.

Целесообразность (с точки зрения воздействия на Ивана III) каждого положения, выдвигаемого автором, усиливается логически последовательным сцеплением их, так что в композиционном отношении оно выглядит весьма стройно. Действительно, известная композиционная стройность Послания поддерживается все пронизывающей идейной целеустремленностью. Однако первая треть основной его части является более напряженной, чем последующие. К недостаткам последующих частей также следует отнести и чрезмерное пользование цитатами.

Язык Послания мог бы служить темой для отдельной работы, так как он характеризует собою, в сущности говоря, мало исследованный этап истории русской публицистики второй половины XV в., от которого тянутся нити, с одной стороны, в направлении повестей о Флорентийском соборе, посланий митрополита Ионы и других, с другой, — в направлении более изученной с этой стороны публицистики XVI в. В план данной работы не входит такая большая задача, поэтому мы ограничимся только некоторыми замечаниями на этот счет.

Прежде всего следует отметить в Послании наличие сплетения струи повествовательной со струей патетической, высоко торжественной, обрывающейся часто неожиданно мягким лирическим возгласом, оттеняющим (и оживляющим) логический ход мысли. Это характеризует Послание, как произведение ораторского стиля. „Ныне же слышахом, — повествует автор, — яко бесерменину Ахмату уже приближающуюся и хрестьянство погубляющую, наипаче же на тебя хвалящуюся и на твое отечество, тебе же пред ним смиряющуюся и о мире молящуюся и к нему пославшу, ему же окаянному одинако гневом дышушу и твоего моления не послушающую, но хотя до конца разорити хрестьянство“. Тут повествование переходит в иной строй: „Ты же не унывай, но възверзи на господа печаль твою и той тя препитает; господь бо гордым противится, смиренным же дает благодать!“. Дальше опять повествование: „Прииде же убо в слухи наша, яко прежнии твои развратници не престають...“ и т. д., за которым следует патетический абзац:

„Внимай убо себе и всему стаду, в нем же ты дух святыи постави, о боголюбивый и вседержавный царю!...“.

Еще более, пожалуй, рельефны в Послании переходы от высокой патетики или негодующей реплики к лирическому возгласу:

„И что убо съвещают ти лстивии сии и лжеименитии, мнящесе быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и нимало спротивлешесе оканным сим сыроядцем, предав хрестьянство, свое отечество, яко бегуном скитатися по иным странам?!“.

За этим негодующим вопросом следует лирическое горькое обращение:

„Помысли убо, о велемудрый государю! От каковыя славы и в какво в бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим и церквам Божиим разоренным и оскверненным. И кто каменосердечен не всплачется о сей погибели?!“.

Эта смена высокого стиля глубоко лирическими возгласами еще ярче выступает дальше. „И где убо хощеши избежати или воцаритися погубив врученное ти от бога стадо?! Слыши, что глаголет пророк: аще възиграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сътвориши, то и оттуду ты свергу, рече господь, инде же глаголет: Камо пойду от духа твоего...“, и т. д.

И вдруг проникновенная лирика:

„И где паки отходиши, пастырю добрый?!
Кому оставяеши нас,
яко овца не имуща пастыря?!“.

Лиризм Послания увеличивается от частых обращений к адресату. Это смягчает риторическую сторону произведения, делая его более конкретным, горячим, трепетным.

Весьма существенной стороной стиля Послания является ритм, подчеркивающий пафос произведения. Начало произведения настраивает уже читателя соответствующим образом не только своей терминологией, но и ритмической организованностью.

„Благовёрному и христороубовому,
Благородному и богом венчанному
.....“

Цитаты из священного писания и места, привычно молитвенные, организованные ритмически до Послания, поддерживают ритм последнего.

„Пастырь добрый
душу свою полагает за овцы;
а наемник, иже несть пастырь,
ему же не суть овца своя,
видит волка грядуща...“

Однородность членов предложения, часто употребляемая автором, тоже создает известный ритм.

„Ахмату уже приближающу
И хрестьянство погубляющу,
наипаче же на тебя хвалящуся...
Тебе же пред ним смиряющуся
и о мире молящуся
и к нему пославшу.
Ему же... гневом дышющу
и твоего моления не послушающу...“.

Пожалуй, самой большой ритмо-определяющей силой в Послании выступает начало анафорическое. Лексические анафоры встре-

чаются в Послании в значительном количестве, переходя иногда в звуковые и синтаксические знафоры.

- 1) „И ко святым чудотворцам...
И к своему отцу митрополиту,
И к своей матери...“
- 2) „Не усомнеся и не убоися...
Не обратися всяцъ,
не рече в сердце своем“.

Контрастирующий параллелизм некоторых фраз Послания тоже является моментом ритмической организации его, тем более, что он сливается с анафорой.

- 1) „Наше убо... еже воспоминати вам,
ваше же — еже послушати...“
- 2) „От каковыя славы
и в каково в бесчестие...“.
- 3) „Хотящих твою честь в бесчестие свести,
и твою славу в бесславие преложити...“.

В местах наибольшего лиризма и пафоса ритмическая сторона, пожалуй, наиболее ощутима, и значение ритма здесь может быть оценено полностью.

- 1) „Да рассыпаются поганяя, хотящая брани,
от божи молонии омрачаеми;
яко пси гладнии языки своими лижут землю
и ангел господень буди погоняя их...“.
- 2) „И где пакы отходиши,
пастырю добрый?!
Кому оставляеши нас,
яко овца не имуще пастыря?!“.¹

Язык Послания наполнен славянизмами, больше того, оно все построено, в основном, на церковно-славянской лексике и, особенно, синтаксисе и, вероятно, не только потому, что в нем фигурируют цитаты из священного писания, вставленные, видимо, автором на память,² и молитвенная речь, но и потому, что Вассиан стремился к единству стиля.

Лексические руссизмы весьма немногочисленны — „челом бью“, „величество твое“, „единако гневом дышащу“ и др., — и тем не менее гражданские идеи автора выступают в произведении очень ясно.

Повествовательная струя Послания утверждает простоту и ясность изложения настолько, что она не теряется и в патетических местах, благодаря которым произведение поднимается только на определенную

¹ Ритмика Послания уходит своими корнями в ритмику текстов священного писания, церковных песнопений и произведений отцов церкви.

² Расхождение некоторых цитат с текстом священного писания подтверждает земную целеустремленность автора, не цепляющегося за букву.

степень торжественности. Значительность замысла в сочетании с такой формой делается еще ощутимее.

Патриотическое содержание Послания и искусное построение этого произведения сделали его чрезвычайно популярным. Оно прочно вошло в летописные своды и стало на длительное время образцом жанра посланий. В послании Сильвестра царю Ивану Васильевичу IV, датированном Н. Коншиным 1547 г.,¹ можно уже наблюдать влияние вассианова послания. Автор включает в свое произведение и библейские примеры поражения неверных, и пример с победой над Ахматом, и цитаты из священного писания, во многих случаях те же, что и в Послании Вассиана Рыло.

Влияние Послания на Угру Вассиана Рыло можно проследить также в грамотах архиепископа новгородского Феодосия к царю Ивану IV. Заголовок грамоты „Об искоренении убивств и граблений, чинимых в Новгороде“ почти вассиановский.² А грамота „благословительная в поход на Казань“ имеет схожие с вассиановскими цитаты из священного писания.³ Сходство с посланием Вассиана можно наблюдать даже в „Благословительной на бракосочетание“ грамоте Феодосия.⁴ Третьим примером, подтверждающим влияние Послания Вассиана на последующую письменность, могут служить два послания митрополита Макария. Знаменитый сподвижник Грозного шлет 25 мая 1552 г. в Свияжск к войску увещательное послание, направленное против содомского греха, будто бы распространенного там.⁵ Тут мы можем заметить не только сходный прием указания на события библейские, не только сходное построение фраз, но и почти буквальное совпадение текста. Второе послание Макария,⁶ направленное Ивану IV в г. Муром, где Грозный был проездом под Казань, в первой части почти буквально совпадает с „Соборным“ Посланием на Угру, а дальше использует, по примеру Вассиана, библейские эпизоды и ссылки на „прародителей“ великого князя, начиная с Владимира, а иногда и прямо следует за текстом Вассиана. В посланиях Макария можно усмотреть и композиционное сходство с вассиановым посла-

¹ Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1874, т. I. — Е. Голубинский считает, что автором этого послания был не Сильвестр. Ист. русск. церкви, т. II, ч. I, стр. 770, примеч.

² Древняя российская Вивлиофика, т. XIV, М., 1790, стр. 238.

³ Там же, стр. 260. — Кстати, интересно отметить, что архиепископ Феодосий опирался в своей литературной деятельности и на другие источники. В этой грамоте читаем: „Боголюбивый и богом хранимый великий государь всея Руси о Христе во оружи свое сердце, наполнился о бозе духа ратнаго, стане крепко противу врага божия за св. церкви и за православное христианство. . .“ (там же, стр. 262). Этот текст интересен как свидетельство бытования „Слова о полку Игореве“ или Задонщины в XVI в.

⁴ Там же.

⁵ Акты исторические, т. 1, № 159.

⁶ Там же.

нием, особенно заметное там, где митрополит приводит примеры падения библейских праведников от гордости и пьянства.

В 1563 г. (24 января) новгородский архиепископ Пимен направил Ивану IV послание „О укреплении на брань с литовцами“.¹ Послание это еще более (чем предыдущие примеры) связано с Посланием Васиана. Отметим тут некоторые явные заимствования.

„Благоверному и христолюбивому, благородному и богом венчанному и богом утверженному, и во благочестии всея вселенныя в конци воссиявшему, наипаче же во царех пресветлейшему, преславному государю... богомолец твой, господине, архиепископ Васиян Ростовский благословляю и челом бью“.

2) „Молю же убо величество твое, о боголюбивый государю! да не прогневаеши на мое смирение, еже первие дерзнувшу ми усты ко устом глаголати твоему величеству твоего ради спасения: наше убо, государю великий, еже вспоминати вам, ваше же еже послушати; ныне же дерзнух написати к твоему благородству, нечто же мало хошу воспоминати от божественного писания, елико бог вразумит мя на крепость и утвержение твоей державе“.

3) „И слыши, что глаголет Димокрит философ: первый князю подобает имети ум ко всем премежным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок. Вспоминай же реченая неложными усты господа и бога нашего Иисуса Христа: аще и весь мир приобрещет, а душу свою отщетит, и что даст измену на души своей? и паки: блажен человек, иже положит душу свою за други своя“.

4) „И поревнуй прежебывшим прародителем твоим великим князем: не точию Рускую землю обороняху от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на Греческих царех дань имали...“.

„славою и честию венчанному, и богом утверженному в благодати всея вселенныя в концех воссиявшему, наипаче же в царех пресветлейшему, имя имущу благодать, благородному и христолюбивому царю и Государю... твой Государев богомолец смиренный Пимин, бога молю и челом бью“ (стр. 549).

2) „Молю убо величество твое, всех Царю, о боголюбивый Государю, еже и ныне дерзнух написати к твоему благородству: нечто мало хошу воспоминати от божественного писания, и елико бог вразумит на крепость и утвержение твоей державе, и о нынешнем твоем царском подвизе...“ (стр. 549).

3) „Глаголет убо Демокрит философ первый: „князю подобает имети ум ко всем временным, а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своим бояром и воеводам, и ко всему христолюбивому своему воинству милость и любовный привет. Вспоминай же и реченная господем во святом Еуангелии: „заповедь новую даю вам да любите друг друга, яко аз возлюбих вас, да разумеют вси, яко мои ученицы есте“ (стр. 550).

4) „Тако же бы ныне и тебе, государю нашему, бог подаровал... якоже и прежебывшим во времена своя прародителем твоим, Великим Князем, иже не точию обороняху Рускую землю, но и иныя страны приимаху под себя, их же глаголю, Игоря, Святослава и Владимира, иже и на Греческих царех дани имажу...“ (стр. 550).

¹ Там же, № 302. — Послание это взято из Рукоп. сб. XVI в. Начало его отмечено там словами: „Лета 7071 генваря такову грамоту архипастырь Пимин послал к царю и великому князю как царь князь великий пошел на Литовскую землю к Полоцку“.

Можно было бы продолжить сравнения и еще,¹ но картина оставалась бы та же самая.²

Наконец, в 1598 г. (2 июня), более чем через 100 лет после Послания вассианова, патриарх Иов, в ответ на известительную грамоту царя Бориса Годунова о походе против крымских татар, шлет ему свое послание. Оно тоже повторяет Послание Вассиана и в некоторых местах буквально.³

Из приведенных примеров можно видеть, насколько популярно и действительно было произведение ростовского архиепископа. Оно служило образцом на целое столетие и больше, причем характерно, что последующие поколения иерархов использовали его главным образом как образец для посланий к полководцам, на поле брани.⁴

Однако значение Послания Вассиана Рыло в области литературных влияний не ограничивается последующими посланиями иерархов к князьям. Оно стоит в начале целого ряда повестей о нашествии Ахмата в 1480 г.,⁵ на которые влияло, благодаря своему патриотическому содержанию и высокой (для публицистики того времени) форме, определяя, до известной степени, их патриотическое содержание, их антибоярскую позицию и даже выпады (в некоторых редакциях) против Ивана III и Софьи Палеолог.

¹ Напр., начиная со слов: „Мы же смиренныи...“; „Ты же убо, о боговенчаный царю, не яко наемник...“; „Тебе же, государю нашему боговенчанному царю, да послет господь бог способники...“.

² Сравнительный анализ текстов такого рода мог бы дать замечательный материал для историков. Так, Пимен, выбрасывая из Послания Вассиана слова, говорящие о столкновении архиепископа ростовского с Иваном III, как не относящиеся к его времени, выбрасывает и следующие слова: „Наше убо, государю великий, еже воспоминати вам, ваше же еже послушати“. Почему? Не потому ли, что во времена Ивана IV взаимоотношения великого князя и царя с иерархами русской церкви стали иными и он выступает как глава церкви, которому они не могут советовать? Во-вторых, Пимен в изречении Демокрита изменяет слово „дружина“ на „бояр и воевод и все христолюбивое воинство“. Эти „бояре и воеводы“ намекают на многое и определяют позицию Пимена именно как боярскую. В-третьих, изменение одной цитаты священного писания на другую (в этом же по порядку сравнении) очень подчеркивает позиции того и другого архиепископа: вассианову как позицию патриота, пименову как позицию боярскую, сводящуюся к желанию улучшить отношения Ивана IV к этому кругу.

³ ААЭ, т. II, № 2.

⁴ Обзор привлекаемых нами посланий заставляет прийти к выводу, что жанр посланий делится на ряды, значительно отличающиеся один от другого в зависимости от их цели. Так, послания к пастве резко отличаются от посланий к полководцам, войску (см., напр., послания Макария). Почти все послания, приводимые нами при сравнении с вассиановым Посланием, направляются к войскам и их предводителям. Другие ряды такой связи не имеют.

⁵ Повестей, помещенных в Летописных сводах, Казанском летописце, Степенных книгах (Степенная книга царского родословия и Латухинская степенная книга) и различных сборниках.

Особенно значительно влияние Послания на „неофициальную“ повесть о нашествии Ахмата, помещенную в Летописи Софийской 2-й (и Львовской), и особую редакцию повести, помещенную в Вологодско-Пермской летописи. Сравнительный анализ Послания и „неофициальной“ повести (в Софийской 2-й) заставляет прийти к выводу, что Послание Вассиана было одним из основных литературных материалов, на которые опирался автор повести, что оно непосредственно влияло на содержание и направление ее. Тенденция автора к осуждению Ивана III заставила его только сгустить краски Послания и противопоставить Вассиана великому князю. Осмысляя Послание, автор повести показывает Вассиана выразителем мнения народного, противником бояр, советующих великому князю „бежати прочь, а хрестьянство выдати“. Связь Послания и повести можно видеть и в ряде деталей.¹

Послание Вассиана влияло, как уже было отмечено, и на создание повести о нашествии Ахмата, помещенной в Вологодско-Пермской летописи,² и влияло не только через другие редакции, но и непосредственно. В этом убеждает сравнительный текстологический анализ обоих произведений.

* * *

Вслед за повестью о нашествии Ахмата в некоторых летописных сводах помещены три самостоятельные, вероятно, позднейшие приписки: 1) резкий выпад против Софьи и ее свиты, с которой она „бегала“ на Белоозеро; 2) замечание летописца, что не „своим оружием“ избавили мы Русскую землю, а помощью божией и пречистыя богородицы; 3) патриотический призыв летописца к борьбе за независимость.

Первая и третья приписки, по нашему мнению, появились в результате осмысления Послания Вассиана. Они связаны с ним не только в плане идейном, но и в плане тематическом и даже текстологическом.

Эти приписки являются как бы концовкой, подчеркивающей патриотическое содержание и весь смысл Послания.

Первая — в отношении предателей бояр и ненавистной „гречки“ — Софьи Палеолог, последняя — в отношении темы о судьбе правителей и людей, предавших свое отечество и „скитающихся по чужим странам“,

¹ Не следует, конечно, думать, что эти два произведения совпадут до конца в идейном плане. Оба они нападают на Софью Палеолог и бояр, оба осуждают поведение Ивана III, но, тем не менее, Послание утверждает позицию великого князя, повесть же развенчивает его, показывает его неспособным ни к какому руководству, отрицает его как исторически значимую личность.

² Вологодско-Пермский свод еще не издавался. М. Н. Тихомиров, посвятивший ему специальную статью (Проблемы источниковедения, т. III, М. — Л., 1940), указывает на 4 списка этого свода: Синодальный, № 481 — втор. пол. XVI в. (Ист. муз.); Кирилловский — втор. пол. XVI в. (Инст. ист. АН СССР); Академический, 16.8.15 — втор. пол. XVI в. (Библ. АН СССР); Чертковский № 360 (Ист. музей).

„яко бездомком“, и особенно в отношении призыва к защите отечества.

„О храбрии, мужествени сынове Русьстии! Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю от поганых! Не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения и грабления святым церквем и домом вашим, якоже пострадаша инии... земли..., иже не сташа мужествени и погибоша и отечество свое изгубиша...!“.

Эти вдохновенные и вдохновляющие слова, навеянные Посланием Вассиана, звучали лозунгом, призывающим к борьбе с внешними и внутренними врагами отечества.

Таким образом Послание на Угру Вассиана Рыло, сыгравшее большую общественно-историческую роль своим воздействием на высокого адресата и на древне-русского читателя вообще, не только явилось важным фактом общественного значения, но стало и существенным литературным фактором.
